

Д о м и н а н т ы общественного сознания в политической сфере

Массы и власть: массовое сознание и политическая система в России

Вебер Александр Борисович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела анализа социально-политических процессов, Институт социологии Российской академии наук, Москва

E-mail: mailbox@polisma.ru

Массы и власть: массовое сознание и политическая система в России

Аннотация

Почему существующая в современной России система власти, несмотря на её очевидные дефекты с точки зрения сущностных критериев демократизма, пользуется всё же широкой массовой поддержкой? Ответ следует, в частности, искать в особенностях массового сознания россиян. Данные социологических опросов свидетельствуют о высоком в целом уровне поддержки идеи сильной власти, о предпочтении, отдаваемом ценностям порядка и стабильности перед принципами либеральной демократии, о распространённости патерналистских ожиданий. В то же время общая картина неоднозначна, оставляя возможность различных интерпретаций. Автор излагает свою гипотезу, связывая типичные черты массового сознания россиян с особенностями истории страны, с теми условиями, в которых на протяжении многих столетий формировалась российская государственность, тип культуры, менталитет народа. Нынешняя власть находит опору в массовом сознании, поскольку оно, как и сама политическая система, несёт на себе печать этих условий. Политические системы не конструируются в соответствии с некоей идеальной моделью, они – продукт исторического развития нации, общества, государства в «заданных» внешних условиях.

Ключевые слова: общество, массовое сознание, основные ценности, политическая система, авторитаризм, демократия

Вопросы, рассмотрению которых посвящена данная статья, можно сформулировать следующим образом: почему существующая в России политическая система, несмотря на её очевидные дефекты, с точки зрения сущностных критериев демократизма, пользуется широкой массовой поддержкой? Что в массовом сознании россиян позволяет власти находить в нём опору? Каким образом обеспечивается поддержка народа, несмотря на недовольство людей различными аспектами политики, повседневной жизни и общественного устройства?

Основные понятия

Массовое сознание – особый тип общественного сознания, отличающийся от таких его форм, как сословное, классовое, этническое, религиозное сознание, присущих более или менее устойчивым группам населения, образующим основные структурные элементы социума. Общественное сознание обусловлено развитием общества, оно отражает особенности этого развития на тех или иных его этапах. Феномен массового сознания связан с распространением новейших средств массовой коммуникации и информации, массовых потребительских стандартов, всеобщего избирательного права, массовой культуры, т. е. с массовизацией условий и форм жизнедеятельности социума, что особенно резко проявилось в современном обществе в размывании его прежних сословных и классовых границ.

Одним из тех, кто зафиксировал становление *массового общества*, идущего на смену индустриально-классовому, был испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет, автор знаменитой книги «Восстание масс» [Ортега-и-Гассет 2008]. Верно уловив новые тенденции в развитии общества, он воспринял их как угрозу для «творческого» меньшинства, угрозу со стороны людей толпы, стремящихся завладеть дорогами этому меньшинству благами цивилизации. Это была высокомерно-снобистская реакция на подъём массовых движений в Европе, левых и правых, вызванных последствиями Первой мировой войны¹.

Трагический опыт XX столетия дал сильнейший импульс к изучению массового сознания как социально-психологического феномена. При всех различиях в трактовках есть общее понимание того, что от массового сознания не следует ожидать отрефлексированного, рационального знания; в нём присутствуют, причудливо переплетаются рассудок и предрассудки, здравый смысл и иллюзии, собственные убеждения и внушённые мифы. И именно в этом качестве, в смешении рационального и иррационального, оно представляет собой объективную реальность, многое объясняющую в общественно-политических процессах прошлого и настоящего [Канетти 2011; Поршнева 1979; Хевеши 2001].

В отечественной социологии первопроходцем в теоретическом осмыслении феномена массового сознания, его природы, основных характеристик, условий возникновения и функционирования, его соотношения с процессами, происходящими в обществе, в том числе в сфере политики, был Борис Грушин [Грушин 1987]. Развитая им научная теория массового сознания получила широкое признание. Показательно, что знаменитая Википедия открывает эту тему изложением «Концепции массового сознания Б. А. Грушина».

¹ Содержательный обзор теорий массового общества, получивших дальнейшее развитие в XX веке, см.: Е. Л. Петренко // Социологическая энциклопедия. М.: Мысль, 2003. Т.2. С. 627–629.

Специфика массового сознания – не в способе отражения действительности, а в свойствах его носителя, его *субъекта*, т. е. «массы» как особой общности, отличной от сословия, класса, этноса, религиозной общины или какого-то профессионального сообщества. Масса не является каким-то целостным образованием, отличным от составляющих его элементов. Согласно определению Б. Грушина, «*массы – это ситуативно возникающие (существующие) социальные общности, вероятностные по своей природе, гетерогенные по составу и статистические по формам выражения (функционирования)*» [Грушин 1987: 234–235].

Границы массовых общностей размыты, а сами они отличаются изменчивостью, неустойчивостью количественного и качественного состава. Их отличает внегрупповая природа, т. е. они не укладываются в границы основных структурообразующих классовых, этнических, демографических групп. *Действительные* массы, как заметил ещё К. Маркс, «образуют внутри себя и между собой весьма массовые противоположности» [Маркс, Энгельс 1955, Т. 2: 171].

Массовое сознание получает выражение в *общественном мнении* – той специфической форме, в которой проявляется и фиксируется отношение людей к тем или иным событиям или аспектам действительности в тот или иной момент или период. «Замеры» общественного мнения посредством социологических опросов позволяют «измерять» состояние массового сознания, его структуру и динамику под разными углами зрения и в различных временных интервалах.

Охватить массовое сознание во всём его объёме и многообразии практически невозможно. В нём отражаются все стороны общественного бытия, оно многослойно, представляет широкий спектр специфических черт, свойственных тем или другим группам населения. В данном тексте речь пойдёт о самых общих чертах, характеризующих политически значимые аспекты массового сознания россиян, взятого в конкретной временной привязке, т. е. в постсоветский период.

В качестве основного источника сведений о состоянии массового сознания россиян использованы данные опросов Левада-Центра (до 2003 г. ВЦИОМ), публикуемые на его сайте и в издаваемых им сборниках «Общественное мнение» (доступных также в электронной форме). В общей сложности ниже использованы более 100 опросных блоков из указанных источников¹. Привлекались и некоторые другие источники.

¹ URL: <http://www.levada.ru/archive/> [Дата посещения: 04.01.2014 и неоднократно позднее]; Общественное мнение – 2012. М.: Левада-Центр, 2012. 232 с.; Общественное мнение – 2013. М.: Левада-Центр, 2013. 252 с.; URL: <http://www.levada.ru> [Даты посещения 21.01.2014 и 21.02.2014]. Большинство приводимых в тексте данных основывается на этих источниках, если не указано иное.

Основные черты массового сознания россиян

Данные социологических опросов позволяют представить в основных чертах массовое сознание россиян в период, предшествовавший «майданной революции» в Украине, возвращению Крыма в состав Российской Федерации и другим событиям, которые за этим последовали. Эти события не могли не отразиться в массовом сознании, вызвав такие подвижки, значение которых можно будет оценить в полной мере лишь позднее.

Если говорить о наиболее типичных чертах постсоветского массового сознания, то прежде всего обращает на себя внимание тяга россиян к стабильности, вполне объяснимая на фоне пережитых в XX веке потрясений и невзгод. В шкале ценностей приоритетное место отдаётся «порядку», для поддержания которого, по мнению большинства, допустимы некоторые нарушения гражданских прав и свобод. К началу 2010-х гг. это большинство несколько сократилось, но по-прежнему преобладало по сравнению с теми, кто считают, что демократия важнее, даже если ею могут воспользоваться разрушительные элементы.

В дальнейшем перевес первых, по-видимому, вновь увеличился: в начале 2014 г., согласно данным Фонда «Общественное мнение», 76% респондентов сказали, что «стабильность» важнее «свободы». При том, что, по мнению большинства, люди в России имеют «достаточно свободы», которая, правда, в контексте проводимого опроса понималась не столько в политическом, сколько в бытовом плане.

Приверженность «порядку» коррелирует с идеей *сильной власти*. На протяжении 1994–2012 гг. доля тех, кто считают, что нашему народу постоянно нужна «сильная рука», колебалась в пределах 35–45%. Другие принимают это мнение с оговоркой: бывают-де случаи, когда нужно сосредоточить власть в одних руках (25–30%). Спрос на «порядок» и «сильную власть» объясняется, конечно, реакцией на хаос «лихих 90-х». В начале 2010-х гг. число сторонников «сильной руки» несколько сократилось, но потом вновь увеличилось. Их по-прежнему значительно больше, чем тех, кто не считают возможным поступаться демократическими ценностями.

Является ли российская государственная власть «сильной»? В нулевые годы было равное количество людей, считающих её как сильной, так и слабой. Возможно, потому, что смысл сильной власти понимается по-разному. Примерно для трети респондентов это власть, которая регулирует *все* сферы общественной жизни – экономику, образование, культуру, мораль и пр. Но больше тех, для кого сильная власть та, которая гарантирует и обеспечивает выполнение законов всеми учреждениями, организациями и гражданами.

В начале 2010-х гг. число сторонников «сильной руки» несколько сократилось, но потом вновь увеличилось. Их по-прежнему значительно больше, чем тех, кто не считают возможным поступаться демократическими ценностями.

Примерно для трети респондентов сильная власть та, которая регулирует все сферы общественной жизни. Но больше тех, для кого это такая власть, которая гарантирует и обеспечивает выполнение законов всеми учреждениями, организациями и гражданами.

Большинство россиян высоко оценивают *роль государства* как института, призванного быть представителем интересов всего общества. Многие – очень высоко, отдавая предпочтение единому централизованному государству с назначаемыми из Центра руководителями местной власти. Другие – за такой тип государства, где центральная власть только координирует местные власти. В начале 2010-х гг. доля первых несколько сократилась, а вторых увеличилась. Выросло число сторонников разделения властей и общественного контроля, эта позиция получила некоторый перевес по сравнению с тем мнением, что Россия больше нуждается в укреплении власти.

Россияне традиционно весьма критически настроены в отношении власти, чиновничества. Большинство отдаёт дань известным устойчивым стереотипам: власть представляет, мол, преимущественно интересы силовиков, олигархов, высшего слоя бюрократии, вообще сверхбогатых; «начальство» озабочено прежде всего сохранением собственной власти и своих привилегий, а не интересами простых людей; во властных верхах царит система круговой поруки и коррупции.

В то же время в массовом сознании преобладают *патерналистские настроения*. Люди ощущают уязвимость своего положения, они убеждены: большинство без поддержки, опеки со стороны государства прожить не смогут. Власть должна заботиться о людях, а люди – иметь возможность добиваться этого от властей. Таков, по мнению россиян, основной принцип, на котором должно быть устроено наше общество. В начале нулевых более половины опрошенных считали, что власть не выполняет своих обязанностей перед гражданами: в дальнейшем их доля несколько сократилась, но одновременно увеличилось число тех, кто видит ситуацию так: «сколько выполняет, столько и не выполняет».

Что понимается обычно под обязанностью государства обеспечивать социальную защиту? Большинство считают, что государство обязано обеспечивать «нормальный» уровень благосостояния *всем* гражданам. Меньшинство хотело бы ограничить круг претендующих на помощь только теми, кто попал в трудное положение (потерял работу, пострадал от стихийных бедствий и т. п.). Ещё меньшая часть выступает за то, чтобы помощь оказывалась *только* тем, кто не в состоянии позаботиться о себе сам (пенсионеры, инвалиды, сироты). Наконец, ещё 2–3% уверены, что все люди должны сами заботиться о себе, не ожидая помощи от государства.

Патерналистские ожидания проявляются весьма противоречивым образом. Многие полагают: государство даёт нам так мало, что мы ему ничем не обязаны. Другое распространённое мнение – надо заставить государство служить нашим интересам, требовать от него большего. В обычных условиях

Власть должна заботиться о людях, а люди – иметь возможность добиваться этого от властей. Таков, по мнению россиян, основной принцип, на котором должно быть устроено наше общество.

лишь немногие готовы идти на какие-то жертвы ради того, чтобы помочь государству в решении сложных проблем социально-экономического развития страны.

В то же время большинство граждан называют себя патриотами. В понимании патриотизма есть нюансы: для большинства это значит «любить Россию», для многих – ставить свою страну выше других. Хотя нельзя сказать, что национализм доминирует в массовом сознании, да и само слово «национализм» воспринимается большинством скорее негативно, на деле националистические и ксенофобские настроения стали проявляться всё сильнее. Свидетельством усиления русского национализма стало одобрительное отношение многих к лозунгу «Россия для русских» и растущая популярность идеи «русского мира» в её имперском понимании.

Об отношении к демократии. Есть значительное меньшинство, которое не приемлет демократическую форму правления, это-де не для России. Большинство в принципе за демократию. Но какая демократия нужна России? Широкой поддержкой пользуется мнение, что России нужна особая демократия, соответствующая национальным традициям и специфике нашей страны. Но лишь небольшая часть за такую демократию, «как была в Советском Союзе». Ещё меньше тех, кто предпочёл бы модель демократии западного типа – «как в Европе и Америке».

Демократия, по мнению россиян, это соблюдение основных гражданских свобод, возможность свободно высказывать своё мнение, равенство граждан перед законом, порядок и стабильность, экономическое процветание. Но прежде всего демократия ассоциируется с социальными и экономическими правами, с социальной справедливостью, которая часто понимается в духе уравнительности. Неравенство, особенно в его крайних формах, порождает у большинства ощущение несправедливости.

Показательны данные о порядке предпочтений, выбираемых респондентами, когда их спрашивают, какие свободы они считают особенно важными лично для себя? В духе патерналистской парадигмы большинство ставят на первые места защищённость со стороны государства в случае болезни, утраты работы, равные для всех шансы в жизни и на работе, равный доступ к образованию и медицинской помощи, возможность «купить то, что хочешь», приобретать собственность и т. п.

Если правящая элита склонна сводить демократию к политике и выборным процедурам, то большинство ценят эти её атрибуты относительно низко. В отношении к политике преобладают отрицательные установки. По сравнению с концом 1990-х гг. фиксируется снижение интереса к политике, к участию в ней. Судя по ответам респондентов, основная масса граждан не очень интересуется политикой или совсем ею не интересуется и не стремится в ней участвовать.

В понимании патриотизма есть нюансы: для большинства это значит «любить Россию», для многих – ставить свою страну выше других.

Прежде всего демократия ассоциируется с социальными и экономическими правами, с социальной справедливостью, которая часто понимается в духе уравнительности. Неравенство, особенно в его крайних формах, порождает у большинства ощущение несправедливости.

Является ли Россия демократическим государством? Здесь мнения очень разные и отчасти противоположные. Уверенно отвечали «да» немногие, хотя со временем их стало несколько больше (4% в 2010 г., 6 – в 2013 г.). Более распространённая точка зрения: «да, отчасти». По мнению других, демократия в России пока не утвердилась или её становится всё меньше. В то же время большинство не согласны с утверждением, будто Россия является «полицейским государством».

Опросы свидетельствуют о высокой степени *отчуждённости* между властью и гражданами. Немногие верят в возможность влиять на решения и действия властей, даже на местном уровне (хотя в последние годы таких стало несколько больше). Большинству приходится полагаться в основном на себя. Власть далека от народа, «чужда» ему – такая оценка стала высказываться чаще, чем в последние советские годы. Одни считают, что власть контролирует действия граждан, по мнению других ни власти, ни граждане не контролируют друг друга или же обманывают друг друга.

При всём критическом отношении к состоянию отечественной экономики, во всяком случае до недавнего времени, россиян в целом более или менее устраивала их нынешняя жизнь. Для большинства важнее сохранение уже достигнутого, чем стремление к чему-то большему. Преобладающее мнение: «жить трудно, но можно терпеть», однако оно не единственное. Люди говорят о проблемах, тревогах, о беспокойстве в отношении будущего; их представления о развитии страны неоднозначны.

Мнение о том, что страна движется по правильному пути, в 2013 г. разделяли чуть более 40% опрошенных, почти столько же придерживались противоположного мнения. Тогда же большинство россиян признавались, что либо не имеют представления, в каком направлении движется страна, либо имеют об этом смутное представление. В среднем классе владело убеждение: существующая политическая система – это надолго, в ближайшие годы она едва ли может существенно измениться.

Ответы на вопрос: как следует относиться к проблемам, с которыми приходится сталкиваться (декабрь 2013 г.), высветили три основных поведенческих модели: а) условно говоря, электоральную: надо воспользоваться очередными выборами, чтобы попытаться изменить положение – 42%; б) конформистскую: надо проявлять терпение, стойкость, приспособливаться и ждать, пока ситуация не изменится к лучшему – 21%; в) активистскую: устраивать акции протеста, уличные демонстрации, добиваясь изменения политики – 18%.

При этом в конце 2013 г. в протестных акциях готовы были участвовать лишь немногие (13%), а в протестах с политическими требованиями – и того меньше,

Опросы свидетельствуют о высокой степени отчуждённости между властью и гражданами. Немногие верят в возможность влиять на решения и действия властей, даже на местном уровне.

Мнение о том, что страна движется по правильному пути, в 2013 г. разделяли чуть более 40% опрошенных, почти столько же придерживались противоположного мнения.

всего 9,4%. Исследователи отмечают низкий в целом уровень общественной активности граждан, что связано с невысокой эффективностью инструментов общественного влияния, в особенности политических инструментов влияния [Волков, Гончаров 2014].

Интерпретация эмпирических данных

Вернёмся к вопросу, поставленному нами в начале статьи: почему большинство избирателей, не считая власть отвечающей их представлениям о должном, тем не менее её поддерживают?

Исследователи по-разному отвечают на этот вопрос. Интерпретация эмпирического материала зависит от мировоззренческих установок авторов, нередко весьма тенденциозных. Такова, на наш взгляд, позиция директора Левада-Центра Льва Гудкова, которая сводится, в сущности, к утверждению о тотальной аморальности российского социума, унаследованной от *homosoveticus* [Гудков 2013]. Как ни странно, приведя весьма неоднозначные данные опросов, автор предлагает, тем не менее, прямолинейную, одномерную их интерпретацию: российское общество лишено понятий морали и общего блага, оно пронизано ложью и насилием, в основе его отношений с коррумпированной, репрессивной властью лежат «потребительские соблазны» как условие «сделки с дьяволом»... [Гудков 2013: 154]. За внешними атрибутами научной статьи проглядывает злой политический памфлет.

Настаивая на тотальной аморальности россиян, насаждаемой, по его мнению, властью, Л. Гудков соотносит российскую ситуацию с идеальным образом современного общества, где индивиды автономны, где они сами, без внешнего принуждения, выбирают и определяют для себя ориентиры и правила поведения, но умалчивает при этом о моральной ущербности рыночного капитализма, навязывающего людям свои правила, свою мораль, безразличную к тому, что не имеет денежной цены. Позиция в общем типичная для определённого круга отечественных либералов.

Более объективно к сути интересующей нас проблемы подошли Ричард Роуз и его коллеги из британского Центра исследований публичной политики (Centre for the Study of Public Policy) при университете Стрэтклайд (Глазго) в своей работе «Народная поддержка недемократического режима» [Rose, Mishler, Munro 2011]. Их анализ основан на материале ежегодных обзоров «Барометр новой России» (New Russia Barometer), где также использовались данные опросов Левада-Центра.

Интерпретация эмпирического материала зависит от мировоззренческих установок авторов, нередко весьма тенденциозных.

Все правительства нуждаются в общественной поддержке – говорится в предисловии. В этом утверждении нет ничего нового. Давно замечено, что легитимность власти, её авторитет напрямую зависят от того, в какой степени её поддерживает большинство народа. Но на чём основывается поддержка обществом недемократического, как считают авторы, российского режима?

Отвечая на этот вопрос, Ричард Роуз и его коллеги использовали рыночную модель «спроса и предложения». На политическом рынке связь между спросом (общественная поддержка) и предложением (тип политического режима) складывается по-разному. При демократическом режиме общественная поддержка носит добровольный характер, поскольку политическая элита выполняет волю избирателей. Но в мире преобладают недемократические режимы, в этом случае можно говорить о «навязанном консенсусе» – если режим воспринимается как меньшее зло, отсутствует явная альтернатива или если отказ в поддержке грозит возможными санкциями на работе и в быту, применением репрессий и т. п.

Опираясь на данные Левада-Центра, авторы стремились объяснить, почему в России, которая с распадом Советского Союза начала эволюционировать в направлении демократии, на определённом этапе поддержка режима стала возрастать даже в условиях, когда он становился менее демократическим, более авторитарным? А также оценить, насколько прочной является эта поддержка перед лицом критических вызовов, с которым он сталкивается.

Их вывод свелся к следующему: массовая политическая поддержка режима определяется не столько его характером и требованиями к гражданам (subjects), сколько отношением последних к власти, их мнением о том, как она должна действовать и как действует. Способность российской власти мобилизовать массовую поддержку, хотя бы пассивную, свидетельствует о наличии у нее потенциала, позволяющего режиму сохранять в перспективе достаточную прочность [Rose, Mishler, Munro 2011: 9].

Другая версия интерпретации тех же социологических данных принадлежит Кириллу Рогову – ведущему научному сотруднику Института экономической политики (Институт Гайдара). Он, кстати, упоминает в сносках книгу Р. Роуза, но никак её не комментирует. Российское общественное мнение, утверждает К. Рогов, не расколото на сторонников авторитаризма или демократии, как считают некоторые. Оценки существующего режима по шкале от 1 (полный авторитаризм) до 10 (полная демократия) позволяют выделить относительно твёрдое большинство (около 45%), которое отдаёт предпочтение гибриднему режиму «электорального авторитаризма», т. е. признаёт определённые достоинства как за демократическими, так и за авторитарными ценностями и практиками.

К. Рогов придерживается гипотезы *цикличности* политической истории России в последние десятилетия. Сопоставив ситуации конца 1980–90-х, начала 2000-х и начала 2010-х гг., он выстроил концепцию десятилетних политических циклов: поворот от советской системы к демократии, затем контрреформаторский курс в нулевые годы и... возвращение «к новой реформаторской повестке».

Ожидаемый новый поворот (подразумевается – либеральный) он связывал с некоторыми подвижками в массовом сознании россиян на рубеже 2011–12 гг.: сокращением числа сторонников «сильной руки», увеличением числа тех, кто поддержал идею распределения власти, принцип многопартийности, необходимость оппозиции и т. п. Интерпретируя эти сдвиги в пользу гипотезы цикличности, К. Рогов сделал следующий вывод: «В перспективе «большого перехода» (!) путинская «стабильность», носившая во многом реваншистский характер, была передышкой, а вовсе не долгосрочным равновесием» [Рогов 2012: 27].

Представляется, что упомянутые выше подвижки в массовом сознании россиян, проявившиеся пока на очень коротком отрезке времени, не давали достаточных оснований для столь далеко идущего вывода. Впрочем, и сам автор был не очень категоричен. Приведённые данные, отмечал он, «отнюдь не свидетельствуют о каком-то принципиальном повороте во взглядах россиян на политическое устройство общества: патерналистская модель всё ещё занимает очень прочные позиции, а политическое участие и политические права <...> ценятся относительно низко» [Рогов 2012: 19].

Стремясь предотвратить распад «навязанного консенсуса» и сохранить консолидированность элит, власть, прогнозировал Рогов, будет повышать уровень авторитарности, а это-де в условиях растущего спроса на демократию создаст новые и возрастающие риски. Концепция К. Рогова несёт на себе, на мой взгляд, печать иллюзий, связанных с завышенной оценкой протестных акций в Москве конца 2011 – весны 2012 гг. Справедливости ради следует отметить, что возможность «консолидации демократического режима» К. Рогов отнёс к периоду после 2020 г.

Борис Дубин, возглавлявший отдел социально-политических исследований Левада-Центра до своей кончины в августе 2014 г., в книге «Россия нулевых» сосредоточил внимание на том *общем* в представлениях большинства россиян, что характеризует собирательное «мы» в противоположность «им», т. е. власти [Дубин 2011]. Преобладающая часть россиян, констатировал он, ограничивается в повседневных коммуникациях кругом ближайших родственников и друзей. Доверять можно только им. И только это пространство можно как-то контролировать. Всё остальное лежит за пределами возможного контроля снизу.

К тому же большинство считают, что политика – вообще не их дело. Фактически «низы» делегируют право на управленческие макрорешения и ответственность за них «верхам». Власть, политика считаются чем-то грязным, коррупционным, где все продажны, все действуют под влиянием корыстных интересов. Таков стереотип представлений о чиновниках, депутатах, бизнесменах, тех, кто олицетворяют власть. Правят «они», а не «мы».

Общее для россиян усматривается и в том, что большинство ориентировано на адаптацию к существующим условиям. Причём часто это *адаптация* «понижающая» (термин Юрия Левады), т. е. готовность со временем удовлетворяться меньшим и, соответственно, предъявлять меньше требований к условиям окружающей жизни.

Другая общая черта, отмеченная Дубиным, – *амбивалентность* ориентаций и оценок. В психологии россиян прослеживаются два кода: один – уничижительный (я – маленький человек, от которого ничего не зависит), другой – возвышающий (мы – великая держава и нужно, чтобы другие это признавали и с этим считались). Эта двойственность, по мнению Б. Дубина, характерна для русской культуры двух последних столетий, она и по сию пору остаётся постоянным механизмом смыслопорождения, формирования образов «себя» и «других», их соотношения. Здесь причудливым образом соединяются представления о себе, какими бы мы хотели себя видеть или быть, и обида по поводу того, что страна не занимает сейчас того места в мире, на которое вправе претендовать.

Историко-социологическая гипотеза

В эволюции общественного мнения на протяжении последних десятилетий можно усмотреть признаки цикличности. Но можно также предположить, что видимые колебания массового сознания происходят вокруг некой доминанты, определяемой более глубокими причинами. Эти причины, на мой взгляд, коренятся в особенностях российской истории, а точнее «истории с географией» (если вспомнить гоголевское: «многое в истории разрешает география»).

Одна из главных – тенденция к сверхцентрализации власти, которая просматривается на протяжении многих столетий. «Россия, по своему естественному, т. е. географическому, положению должна иметь самодержавный образ правления» – таков центральный постулат знаменитого «Наказа» Екатерины II [Ключевский 1989: 75]. Самодержавие, т. е. монархия в её абсолютистской форме, просуществовало в России дольше, чем где-либо в Европе. Все попытки ограничить самодержавие –

как со стороны аристократической (боярской) оппозиции или церкви, так и со стороны дворянских революционеров – потерпели неудачу [Холодковский 2013: 301].

Объяснение этому следует, видимо, искать в тех особых условиях, которые на протяжении столетий определяли формирование российской государственности. Это, прежде всего, огромная протяжённость территории, её вековое расширение в стремлении достичь защищаемых естественных рубежей; трудности хозяйственного освоения этой территории, усугубленные преобладающим на большей её части суровым континентальным климатом; рассредоточение населения на этом необъятном пространстве; его этническая, конфессиональная и социокультурная неоднородность; относительная обособленность локальных миров; особая значимость местной идентичности в ущерб общенациональной¹.

В этих условиях моноцентризм власти выступал как государственная необходимость, диктуемая «силой вещей». Этого требовали задачи отражения внешних угроз, удержания завоёванных территорий, сохранения целостности страны, управления ею. Государство становилось главным социальным интегратором, компенсируя слабость внутренних связей в социуме, но обременяя его одновременно засильем бюрократии и избыточными издержками контроля. Крайне низкий уровень прибавочного продукта способствовал длительному сохранению общинных традиций и крепостного права, а это, наряду с помещичьим и фискальным гнѐтом, сдерживало социально-экономическое развитие, обуславливая отставание от Запада [Милов 2001].

Система самовластия не могла бы сохраняться столь долгое время, если бы не некоторые особенности народной психологии, обусловленные спецификой развития российского социума. Такие, как преклонение перед сакральной властью государя, ставшие привычными патерналистские ожидания, долготерпение, покорность, прерываемые время от времени «бессмысленными и беспощадными» бунтами. В крестьянской массе царская власть воспринималась как противовес произволу помещиков и местных властей. В оппозиции «мы» и «они» представление о «нас» подразумевало не только сельский «мир», но обязательно царя и Бога [Литвак 1971: 209].

Сталинизм в своеобразной форме воспроизвёл эти черты народной психологии, унаследованной от прошлого. Поощрялись возвеличение и идеализация Ивана Грозного, Петра I, что должно было служить историческим оправданием «варварских методов» модернизации, утверждения националь-

¹ В старину у местного населения принято было говорить: «мы рязанские», «мы псковские» и т. п. А в наше время связь со своим городом, деревней, селом чувствуют «очень сильно» или «довольно сильно» соответственно 24 и 38%, со своей областью, краем, республикой – 20 и 36%, с Россией – 24 и 38%.

ных интересов в их великодержавной трактовке и укрепления государственной власти. С именем Сталина по сей день в сознании многих россиян связана идея «сильной власти». Согласно опросам, не менее половины россиян в основном положительно оценивают его роль в истории страны, причём доля таких оценок в последние годы росла.

Склонность Б. Ельцина, первого после распада Советского Союза российского президента, к самовластию и самодурству не помешала его популярности. Приблизённые в своём кругу называли его «царем». Мифологема «царь и бояре» оказалась у нас очень живучей. «Продавленная» Ельциным в 1993 г. Конституция, основанная на принципе «сильной президентской власти», по своему основному смыслу была фактически направлена на реставрацию авторитаризма [Шейнис 2014].

В. Путин, став Президентом Российской Федерации, оказался перед лицом серьёзнейших вызовов: как укрепить расшатанную российскую государственность, обеспечить целостность страны, подрываемую сепаратизмом, восстановить международный престиж России и её позиции в мире. Он нуждался в поддержке общества и получил её. Позиционируя себя как государственника, приверженца традиционных ценностей, он учитывает, несомненно, отмеченные выше особенности массового сознания той немалой части российского электората, которая склонна оценивать его правление по критериям сильной власти, порядка, стабильности, великодержавности. Политическая система «беневоленного авторитаризма» отразила доминирующие в массовом сознании черты, а консерватизм был официально провозглашён идеологией правящей партии.

В распоряжении власти немало рычагов прямого или косвенного воздействия на массовое сознание, которыми она широко пользуется. Это и создаваемые или поддерживаемые Кремлём провластные партийные и общественные структуры, и подконтрольные ему федеральные телевизионные каналы, и организация массовых зрелищ, и государственная политика патриотического воспитания, и выстраивание «национальной идеологии», представление о которой сильно напоминает знаменитую триаду графа Уварова – «православие, самодержавие, народность». Сложившиеся отношения с РПЦ в чём-то похожи на «симфонию» светской и духовной власти по византийскому образцу.

Показательно и то, какое заметное место в телевизионной пропаганде последних лет (при активном участии видных деятелей в мире культуры и политики) заняли сюжеты, содержащие идеализацию монархии как формы правления, прославление российских самодержцев как творцов мощи и величия российского государства, радетелей народного блага. О многом

В распоряжении власти немало рычагов прямого или косвенного воздействия на массовое сознание, которыми она широко пользуется.

говорит кампания по случаю 400-летия «Дома Романовых». Российским самодержцам посвящают выставки, снимают сериалы, им ставят памятники. Это не остаётся без последствий: многие россияне в принципе одобряют монархический принцип правления.

Специалисты-психологи говорят об изменении национального российского психотипа. Выросли все отрицательные характеристики: налицо высокая степень взаимного недоверия граждан; ослабло уважение к окружающим, закону, власти, упала трудовая мораль. Казалось бы, этому должен препятствовать возросший уровень религиозности, но тут она себя заметным образом не проявила. Зато проявилась в другом: множество людей (не без влияния средств массовой информации) верят в религиозные чудеса. Вместе с тем в обществе стало больше алчности, злости, агрессивности, насилия, жестокости, жульничества; меньше порядочности, человечности, доброты¹.

Если в перестроечные годы советский авторитарный режим был отвергнут, как говорится, «на уровне культуры», то нынешнее падение уровня культуры и нравственности, навязанное скороспелым и нецивилизованным рыночным порядком, играет, по-видимому, в пользу власти, облегчая манипулирование массовым сознанием, позволяя настраивать провинцию, «настоящих русских», против так называемой несистемной оппозиции.

Что принёс украинский кризис?

События в Украине, развернувшиеся с ноября 2013 г., и последовавшее затем присоединение Крыма к России в марте 2014 г. обозначили новую ситуацию, которая не могла не сказаться как на массовом сознании, так и на внутренней политике. Большинство россиян восприняло бесчинства украинских ультранационалистических сил с возмущением, а принятое по результатам народного волеизъявления крымчан решение о воссоединении Крыма с Российской Федерацией – как восстановление исторической справедливости. В сознании россиян Крым и после распада Советского Союза оставался российским, несмотря на административное переподчинение его Киеву в советское время. Большинство россиян поддержали политику российского руководства в связи с украинским кризисом.

Подъём патриотических чувств по случаю возвращения Крыма повлиял на общее состояние массового сознания в других отношениях. Показательно, как изменилось пред-

¹ См., например: Интервью с психологом С. Н. Ениколоповым // Комсомольская правда. 9 января 2014 г.

ставление о положении дел в России: в марте–ноябре 2014 г. примерно 60% респондентов высказывали мнение, что страна движется в правильном направлении, и лишь 22–26% не соглашались с этим, тогда как ещё осенью 2013 г. соотношение было обратным – соответственно 40 против 43%. На вопрос, является ли Россия демократическим государством, в марте 2014 г. утвердительно ответили 46%, тогда как за год до этого – 37%. Увеличилось число сторонников «сильной руки». Вновь стала набирать поддержку идея «особого пути» России. Активизировались националисты. Ухудшилось отношение к США, вообще к Западу. Резко пошёл вверх индекс доверия Путину, одобрения его деятельности.

Насколько устойчивыми окажутся эти подвижки в среднесрочном плане, покажет будущее. Судя по опросам, некоторые черты массового сознания россиян, характерные для постсоветского периода, не претерпели существенных изменений. Остаётся недовольство положением дел в сфере ЖКХ, в здравоохранении, в сфере образования и науки, раздражает засилье бюрократии, масштабы коррупции, так же велика неприязнь к олигархам-миллиардерам. Сохранилась приверженность «порядку» как главной ценности, по-прежнему большинство сторонится политики, а показатели ожидания протестных акций и готовности в них участвовать к августу 2014 г. снизились даже по сравнению с концом 2013 г.

То, что ранее в кругах либеральной оппозиции склонны были интерпретировать как повышение «спроса на демократию» и предвестие «большого поворота», оказалось не столь значительным, чтобы перевесить общий консервативный настрой. Больше стало тех, кто поддерживают «закручивание гаек» во внутренней политике. Киевский «майdan» на первых порах вдохновил наших либералов, однако они сильно дискредитировали себя в глазах общества, безоговорочно приняв сторону новой киевской власти и уклонившись от должной оценки бесчинств ультраправых националистов в Украине, а тем самым ещё больше дискредитировали планы радикального преобразования российской политической системы по модели идеализируемой западной демократии.

Особенности политической системы любой страны – продукт исторического развития нации, общества, государства в «заданных» по отношению к ней внешних условиях. Общественный строй, справедливо отмечает академик М. К. Горшков, «не пустая и мёртвая оболочка, которую можно менять, как кому заблагорассудится. Он неразрывно связан с жизнью народа, с природой и размерами страны, её геополитическим положением, историческими судьбами, более того – с характером и духом народа, т. е. с его религией, обычаями, уровнем правосознания или культуры в целом». И добавляет: «действенные политические и экономические формы создаются

не логически, но историческим путём: каждый народ приходит к ним самостоятельно в процессе собственного развития» [Горшков 2012: 9].

Такое понимание не предполагает, конечно, ни согласия с реакционными веяниями, которые тянут общество назад, мешают поступательному развитию, ни отрицания права граждан требовать перемен. Нарастание экономических трудностей, рост цен, тарифов, валютный кризис, страх потерять работу порождают у многих неуверенность в будущем. Запрос на перемены присутствует в обществе, хотя сторонников «более быстрых, решительных перемен» стало меньше. К тому же в это вкладываются разные смыслы: национал-патриотов и радикальных левых у нас, скорее всего, больше, чем тех, кто поддержал бы реформы неолиберального толка. Большинство же настроено на то, чтобы при осуществлении необходимых реформ действовать «осторожно, осмотрительно». Но нельзя исключать и обострения кризиса власти, которое может проявиться в связи с будущим электоральным циклом 2016–18 гг., а возможно и раньше.

Библиографический список

Волков Д., Гончаров С. 2014. Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем. Сводный аналитический отчет. М.: Левада-Центр. 58 с.

Горшков М. К. 2012. Гражданское общество и гражданская культура в современной России: опыт социологической диагностики // Россия реформирующаяся. Вып. 11. Ежегодник / Отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый хронограф. С. 3–26.

Грушин Б. А. 1987. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М.: Политиздат. 368 с.

Гудков Л. 2013. Человек в неморальном пространстве: к социологии морали в посттоталитарном обществе // Вестник общественного мнения. № 3–4 (116), июль-декабрь. С. 118–179.

Дубин Б. 2011. Россия нулевых: политическая культура, историческая память, повседневная жизнь. М.: РОССПЭН. 391 с.

Канетти Э. 2011. Масса и власть / Пер. с нем. М.: Астрель. 574 с.

Ключевский В. О. 1989. Сочинения. Т. 5. Курс русской истории. Ч. 5. М.: Мысль. 476 с.

Литвак Б. Г. 1971. О некоторых чертах психологии русских крепостных первой половины XIX века // История и психология. М.: Наука. С. 199–214.

Маркс К., Энгельс Ф. 1955. Сочинения. Издание второе. Том 2. М.: Госполитиздат.

Милов Л. В. 2001. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН. 573 с.

Ортега-и-Гассет Х. 2008. Восстание масс / Пер. с исп. М.: АСТ. 352 с.

Поршнев Б. Ф. 1979. Социальная психология и история. М.: Наука. 235 с.

Рогов К. Ю. 2012. Политические циклы постсоветского транзита // Pro et Contra. № 4–5 (56), июль-октябрь. С. 6–32.

Хевеши М. А. 2001. Толпа, массы, политика. Историко-философский очерк. М.: ИФРАН. 223 с.

Холодковский К. Г. 2013. Самоопределение России. М.: РОССПЭН. 326 с.

Шейнис В. Л. 2014. Власть и закон. Политика и конституции в России в XX и XXI веках. М.: Мысль. 1088 с.

Rose R., Mishler W., Munro N. 2011. Popular Support for an Undemocratic Regime: The Changing Views of Russians. Cambridge, Cambridge University Press. 206 p.

Masses and Power: Mass Consciousness and Political System in Russia

Veber Alexander Borisovich

Doctor of historical sciences, senior researcher of the Institute of Sociology of Russian Academy of Science, Moscow, Russia. E-mail: mailbox@polisma.ru

Abstract. Why does the existing system of power in modern Russia, despite its obvious faults in terms of the essential criteria of democracy, nevertheless enjoy broad mass support? One should look for the answer, in particular, in the special characteristics of mass consciousness of Russians. Opinion polls show a high level of support for the idea of strong power and for the values of order and stability as a priority to the principles of liberal democracy, as well as the prevalence of paternalistic expectations. At the same time, the overall picture is mixed, leaving the possibility of different interpretations. The author presents his hypothesis, linking typical characteristics of mass consciousness of Russians with features of the history of the country, the specific conditions in which the Russian statehood, the type of culture and people's mentality were formed over many centuries. The current regime is finding support in popular consciousness because it bears, like the political system itself, the seal of these conditions. The political systems not constructed in accordance with some ideal model cannot be stable in the long-term, and are a product of historical development of the nation, society and state under the given external conditions.

Keywords: society, mass consciousness, core values, political system, authoritarianism, democracy.

References

Dubin B. Rossiya nulevykh: politicheskaja kul'tura, istoricheskaja pamiat', povsednevnaia zhizn' [Russian in first decade of XXI century: political culture, historical memory, everyday life]. Moscow, ROSSPEN, 2011. 391 p.

Gorshkov M. K. Grazhdanskoe obschestvo i grazhdanskaja kul'tura v sovremennoj Rossii: opyt sociologicheskoy diagnostiki [Civil society and civic culture in modern Russia: the experience of sociological diagnosis]. Rossiya reformirujushchajasja. Vyp. 11. Ezhegodnik / ed. by M. K. Gorshkov. Moscow, Novy khronograf, 2012. 480 p.

Grushin B. A. 1987. Massovoe soznanie: Opyt opredelenija i problemy issledovanija [Mass consciousness: Experience of the definition and research problems]. Moscow, Politizdat. 368 p.

Gudkov L. Chelovek v nemoral'nom prostranstve: k sociologii morali v posttotalitarnom obschestve [Man in immoral space: the sociology of morality in the post-totalitarian society]. – Vestnik obschestvennogo mnenija, 2013, No 3–4 (116), pp. 118–179.

Heveshi M. A. Tolpa, massy, politika. Istoriko-filosofsky ocherk [The crowd, mass, politics. Historical and philosophical essay]. Moscow, IFRAN. 2001. 223 p.

Kanetti E. Massa i vlast' [Mass and power]. Moscow, Astrel', 2011. 574 p.

Kholodkovsky K. G. Samoopredelenie Rossii [Self-determination of Russia]. Moscow, ROSSPEN, 2013. 326 p.

Kliutchevsky V. O. Sochinenija [Works]. Vol. 5. Kurs russkoy istorii [Course of Russian history]. Part 5. Moscow, Mysl', 1989. 476 p.

Litvak B. G. O nekotoryh chertah psihologii russkih krepostnykh pervoy poloviny XIX veka [Some features of the psychology of Russian serfs of the first half of the XIX century]. – Istorija i psihologija. Moscow, Nauka, 1971, pp. 199–214.

Marx K., Engels F. Sochinenija [Works]. Second edition. Vol. 2. Moscow, Gospolitizdat, 1955.

Milov L. V. Velikorussky pakhar' i osobennosti rossijskogo istoricheskogo processa [Great plowman and features of the Russian historical process]. Moscow, ROSSPEN, 2001. 573 p.

Ortega-y-Gasset H. Vosstanie mass [Mass uprising]. Moscow, AST, 2008. 352 p.

Porshnev B. F. Social'naja psihologija i istorija [Social philosophy and history]. Moscow, Nauka, 1979. 235 p.

Rogov K. Y. Politicheskie cikly postsovetskogo tranzita [Political cycles of post-Soviet transition]. – Pro et Contra, 2012, No 4–5 (56), pp. 6–32.

Rose R., Mishler W., Munro N. Popular Support for an Undemocratic Regime: The Changing Views of Russians. Cambridge, Cambridge University Press, 2011. 206 p.

Sheynis V. L. Vlast' i zakon. Politika i konstitucii v Rossii v XX i XXI vekah [Power and law. Politics and constitutions in Russia in XX and XXI centuries]. Moscow, Mysl', 2014. 1088 p.

Volkov D., Goncharov S. Potencial grazhdanskogo uchastija v reshenii social'nykh problem. Svodny analitichesky otchiot [The potential of citizen participation in solving social problems. Consolidated analytical report]. Moscow, Levada-ctntre, 2014. 58 p.